

MARAT GRINBERG

Reed College (Portland, USA)

<http://orcid.org/0000-0002-8683-3382>

Станислав Лем, братья Стругацкие, Рафаил Нудельман и Ариадна Громова: о поэтике и истории еврейской научной фантастики в советском и польском контекстах

STANISŁAW LEM, BRACIA STRUGACCY, RAFAIL NUDELMAN I ARIADNA GROMOWA: O POETYCE I HISTORII ŻYDOWSKIEJ FANTASTYKI NAUKOWEJ W KONTEKŚCIE SOWIECKIM I POLSKIM

Streszczenie: Artykuł proponuje nowe podejście do historii sowieckiej i polskiej fantastyki naukowej w latach sześćdziesiątych XX wieku, które postrzega ją jako żydowską przestrzeń intelektualną i formę sztuki. Koncentruje się na postaci Stanisława Lema i jego ogromnym wpływie na sowieckich autorów science fiction. Artykuł argumentuje, że Lem powinien być rozumiany jako żydowski pisarz i myśliciel nie tylko ze względu na swoją biografię i kontekst II wojny światowej / Holocaustu, ale przede wszystkim ze względu na swoją filozofię i światopogląd. Esej przedstawia szereg interpretacji tekstów Lema, które ujawniają jego filozofię żydowską, oraz pokazuje, w jaki sposób sowieccy autorzy, tacy jak bracia Strugacscy, Rafail Nudelman i Ariadna Gromowa, odpowiedzieli na Lema poprzez swoje własne dzieła, w przypadku Strugackich i Gromowej, oraz korespondencję z Lemem i eseje o nim, w przypadku Nudelmana. Ostatecznie artykuł argumentuje, że ten materiał stanowi istotne brakujące ogniwo w żydowskiej historii intelektualnej i literackiej XX wieku.

Słowa kluczowe: Lem, Strugacscy, trauma, science fiction, Żydzi

STANISLAW LEM, THE STRUGATSKY BROTHERS, RAFAIL NUDELMAN, AND ARIADNA GROMOVA: ON THE POETICS AND HISTORY OF JEWISH SCIENCE FICTION IN THE SOVIET AND POLISH CONTEXTS

Summary: The essay proposes a new approach to the history of Soviet and Polish science fiction in the 1960s which sees it as a Jewish intellectual space and art form. It concentrates on the figure of Stanislaw Lem and his enormous impact on Soviet science fiction authors. The essay argues that Lem should be understood as a Jewish writer and thinker not merely because of his biography and World War II/Holocaust contexts, but, first and foremost, because of his philosophy and worldview. The essay offers a number of readings of Lem's texts that expose his Jewish philosophy, and shows how the Soviet authors, such as the Strugatsky brothers, Rafail Nudelman, and Ariadna Gromova, responded to Lem through their own works, in the case of the Strugatskys and Gromova, and the correspondence with Lem and essays on him, in the case of Nudelman. Ultimately, the essay argues for this material as a pivotal missing link in the Jewish intellectual and literary history in the 20th century.

Keywords: Lem, Strugatskys, trauma, science fiction, Jewish

Научная фантастика играла огромную роль в советской литературе и культуре, особенно в после-сталинский период. Как и в случае с другими литературными жанрами, изобразительным искусством, музыкой и кино, её возрождение началось в эпоху «Оттепели». С одной стороны, научная фантастика хорошо вписывалась в политику Холодной войны и космической гонки и, таким образом, не вызвала резких возражений со стороны цензуры, но, с другой, она стала прибежищем для тех представителей интеллигенции, кто вначале были оптимистично настроены в отношении перемен, а затем разочаровались в их возможности. Через научную (и «ненаучную»)¹ фантастику они, с одной стороны, возвращались к традиции, берущей начало от Гоголя, Достоевского, Булгакова, а с другой, наводили мосты между советской и Западной (в особенности, американской) литературами. Как жанр, научная фантастика имеет в своей основе аллегорию и кодирование. Потому неудивительно, что как для писателей, так и для читателей именно она была тем «безопасным пространством», в котором процветало чтение между строк.

В силу сходных причин евреи занимали видное место среди авторов-фантастов. Более того, фантастика стала средоточием еврейских узлов и контекстов: иногда от явных и тематических до часто завуалированных и закодированных, что заставляет рассматривать ее в целом как вид еврейской литературы, а потому оригинальное, а может и уникальное явление в истории научно-фантастического жанра в целом.

Ключевым в этом контексте, о чем я уже раньше подробно писал², является творчество братьев Стругацких, где еврейский элемент предстает наиболее богатой и повсеместной частью. Соглашусь с Иланой Гомель, назвавшей Стругацких «настоящими носителями русско-еврейской интеллигенции на протяжении нескольких поколений», а их творчество — «библией русского еврейства»³. Едва ли найдется значимое произведение братьев-фантастов, в котором еврейство хоть как-то бы не затрагивалось, от эпизодических и центральных персонажей

¹ Про то как эти термины применялись в советском дискурсе о жанре, см. Г. Гуревич, *Карты страны фантазии, «Искусство»*, Москва 1967.

² M. Grinberg, *The Soviet Jewish Bookshelf: Jewish Culture and Identity between the Lines*, Brandeis University Press, Waltham 2023.

³ E. Gorn, *The Man from the Yellow Star, "Strange Horizons"*, 28 October 2013, <http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/the-man-from-the-yellow-star/> [03.03.2024].

до библейских, талмудических и каббалистических аллюзий, а также размышлений о Холокосте и антисемитизме.

В этой статье — части большого проекта о еврейском и Холокосте в советской и восточно-европейской фантастике после-сталинских эпох — я сосредоточусь на одном из этих узлов, который также напрямую затрагивает историю русскоязычной литературы в Израиле. В центре моего исследования — мэтры Станислав Лем и Стругацкие, малоизвестный Рафаил Нудельман и забытая Ариадна Громова. Связи и параллели между ними позволяют по-новому рассмотреть не только еврейские следы в советской литературе и научной фантастике, в частности, но и то, что подготовило почву для литературной и интеллектуальной русскоязычной деятельности в Израиле, вдохновляло и поддерживало её. Точки соприкосновения, которые будут проведены между триоцей Лем–Нудельман–Громова и Стругацкими, выявят преемственность между тем, что составляло интеллектуальный мир и идентичность советского еврея — то, что я называю «книжной полкой советского еврея» — и русскоязычной литературой в еврейском государстве.

2

Дабы понять и оценить то колоссальное влияние, которое оказал Лем на послевоенную советскую научную фантастику и литературу вообще, необходимо начать с темы травмы, ставшей центральной в советской научной фантастике в период «Оттепели». С одной стороны, травматическое возникло из общих тенденций хрущевских реформ, отдававших предпочтение личному и лирическому началу, противопоставляемому сталинскому догматизму с его абсолютным упором на коллектив и оптимизм, а с другой, было гораздо более конкретным и внутренним, заключенным в рамки, казалось бы, узких споров о природе жанра научной фантастики. Глядя одновременно в прошлое и будущее, подобно двуликому Янусу, авторы научной фантастики переосмыслили человеческую онтологию как травматичную по самой своей сути. Их концептуализация и презентация травматического находились в диалоге друг с другом, позволяя нам переосмыслить художественные, философские, исторические и биографические пути советской и восточноевропейской научной фантастики во всей ее разнообразности и сложности.

Революция в советской научной фантастике началась с произведений Ивана Ефремова, чья *Туманность Андромеды*, опубликованная в 1957 году, поразила своим глубоко позитивным, но в то же время философски и социально сложным представлением коммунистического будущего. Парадоксальным кажется то, что поворот к травматическому был одновременно вдохновлен романами Ефремова и в то же время смело сформулирован в противовес ему. Именно Рафаил Нудельман, к которому мы еще вернемся, был одним из первых, кто вызвался парировать мэтру, делая это осторожно и вместе с тем основательно.

В эссе *Разговор в куле*, опубликованном издательством «Молодая гвардия» в 1964 году в ежегодном альманахе «Фантастика», ключевой серии той эпохи, Нудельман описал разговор или, скорее, спор между собой и своим двойником, роботом «Анти-Я», о природе научной фантастики. Прикрываясь марксистской терминологией диалектики, дабы выяснить *что* на самом деле является «научным» в научной фантастике, Нудельман подверг сомнению оптимистическую модель и предложил в противовес ей термин «сложный оптимизм» — эфемеризм для обозначения травмы. Нудельман пишет:

Дело даже не столько во вселенной, сколько в человеке, в отношении к нему. В признании его сложности, противоречивости, порой трагичности... Я бы определил лагерь [научной фантастики — М.Г.] так — релятивизм и антропоцентризм. Главный метод первого — сомнение, отрицание мифов и догм сегодняшнего дня... Главное во втором — утверждение идеала, прямое его утверждение. Это воодушевляет мечту.

Робот спрашивает: «Релятивизм — это, наверно, Лем? Это все его предостережения?» Ответ Нудельмана: «Это не только Лем. Это целое направление»⁴. Он связывает Ефремова с его оптимистическим антропоцентризмом и верой в «великое призвание человека во вселенной» со вторым лагерем, альтернативой которому служит травматическое «поражение», переживаемое человечеством в его противостоянии с «неведомым», позволяющим «увидеть нас самих себя как одну из частиц великого мира разума, увидеть со стороны — как великое рядовое явление...» Нудельман считает это поражение человека на самом деле гораздо более вдохновляющим, чем его «победоносное шествие сквозь время и пространство»⁵. Травма, лежащая в основе «релятивизма» Нудельмана, отсылает к исторической памяти и Холокосту и возвращает нас к Лему.

⁴ Р.Е. Нудельман, *Разговор в куле*, «Фантастика 1964», Молодая гвардия, Москва 1964, с. 363–364.

⁵ Там же, с. 366.

Безусловно, Нудельман неспроста обращается к Лему. Его связь с паном Станиславом, как мы увидим, была глубокой и многогранной. Более того, в какой-то мере, советская научная фантастика, прежде всего в лице Стругацких, была подражанием Лему, а затем и мощным диалогом с ним. В советских читателях в целом Лем нашел свою восторженную и идеальную аудиторию. Он ценил ее и знал, что популярность, которой он пользовался среди этой аудитории, была беспрецедентной, несмотря на его глубоко укоренившийся антагонизм по отношению к советской системе и ужас перед советским зверством, свидетелем которого он стал в своем родном Львове. Родившийся и выросший в семье еврея-врача в польском Львове и выживший там сначала во время советской, а затем немецкой оккупации с помощью, насколько нам известно, фальшивых документов⁶, Лем никогда не афишировал своё еврейство, доверяясь только узкому кругу друзей.

Вопрос, который начал привлекать внимание биографов и исследователей Лема, как раз и заключается в том, почему он почти никогда не высказывался открыто о своем еврействе и травмах, нанесенных оккупацией. Как утверждает польская исследовательница Агнешка Гаевская, обнаружившая много ценного материала о годах войны, для Лема научная фантастика стала «нишей... для выражения своего опыта жертвы и свидетеля в форме... деформации, смещения и сгущения»⁷ этого опыта. Попробую копнуть глубже. Внимательное прочтение произведений Лема показывает, насколько сильно он был поглощен своим прошлым — войной и Холокостом — и, более того, рассматривал основные для него философские и космические вопросы сквозь призму иудаизма, от Библии до каббалы. Главным художественным и философским посылом Лема — и Нудельман это подчеркивал — было столкнуть своих героев с неизведанной силой (с виду инопланетной), что вело к пониманию как незначительности человечества, так и его неспособности установить какой-либо осмысленный контакт с этой силой, с «иным». Таким образом, аксиома Лема заключается в том, что состояние человека является в корне травматическим *на космическом уровне*. Ужасы войны и Холокоста — проявление этого состояния, но Лем предпочитает не

⁶ См. В. Орлинский, *Лем Жизнь на другой земле*, пер. И. Шевченко, Fanzon, Москва 2019.

⁷ A. Gajewska, *Holocaust and the Stars: The Past in the Prose of Stanisław Lem*, transl. K. Gucio, Routledge, New York 2022, p. 25.

связывать его напрямую со своим личным опытом, поскольку время в его произведениях, по словам Нудельмана — это «чисто логическое время, вневременное, так сказать»⁸. Опять таки, психологические и исторические аспекты присутствуют, безусловно, в его видениях, но личное намеренно удаляется, прежде всего, по философским и эстетическим причинам, а не из-за страха или цензуры. Важно то, что его более ранняя, не научно-фантастическая трилогия о войне *Czas nieutracony* (*Не утраченное время*) содержала множество упоминаний о Холокосте, а в более позднем научно-фантастическом шедевре 1968 года *Голос неба* присутствовал очень личный эпизод, связанный с Холокостом, который, как он, должно быть, наконец понял, не умалял идей романа.

Эта модель космической травмы прекрасно и мощно изображена в *Солярисе*, опубликованном в 1961-м году. Несомненно, в фантомах памяти, порожденных таинственным океаном, можно прочесть следы вины, испытываемой Лемом по поводу своего выживания во время оккупации и неспособности примириться с прошлым; интерпретационный ключ, однако, заключается в том, что эти ожившие воспоминания являются выражением гораздо большей космической трагедии, лежащей в основе человеческого существования. В конце *Соляриса* Кельвин и Снаут рассуждают о «несовершенном Боге», «единственном Боге, в которого [Кельвин] мог бы поверить»⁹ — этот разговор был практически вырезан из первого советского перевода романа. Жить с осознанием не сосредоточенного на человечестве бога, который экспериментирует людьми, а затем бросает их как бесполезную игрушку, значит оставаться в постоянном состоянии травмы, которая, однако, может продолжать вдохновлять. Загадочные последние слова романа, произнесенные Кельвином: «Я ничего не знал, но по прежнему верил, что еще не кончилось время жестоких чудес»¹⁰, содержат в себе этот абсурдистский элемент надежды. Более того, идея несовершенного бога — части чего-то непостижимого и варящегося в своем собственном соку —, отсылает к космогонии Лурианской каббалы, которая представляет процесс творения Вселенной как раздробленный и глубоко несовершенный, отражающий трещины внутри божественного механизма. Согласно каббале, эти разрывы мож-

⁸ Р.Е. Нудельман, *Разговор в купе...*, с. 360.

⁹ С. Лем, *Собрание сочинений в десяти томах*, пер. Г. Гудимова, В. Перельман, Текст, Москва 1992, т. 2, с. 177.

¹⁰ Там же, с. 182.

но устранить с помощью мистического изучения и заповедей; возможно, именно это Лем и подразумевает под «временем жестоких чудес». Так в лице Лема мы имеем дело с еврейским автором и мыслителем как в силу его биографии и контекстов, так и мировоззрения и философии.

Приведем еще один яркий пример соотношения между историей и философским осмыслением травмы у Лема и откликом этого в произведениях Стругацких. В романе *Возвращение со звезд*, опубликованном в русском переводе в 1965–м году, Лем описывает, что происходит с роботами, пришедшими в непригодность и сброшенными в помещение, напоминающее лагерные бараки или газовую камеру. Голоса роботов:

[...] были человеческие голоса — невнятные, сливающиеся в хриплый хор, невыразительные, бормочущие, словно в темноте бубнила груда испорченных телефонов... они шли отовсюду. От земли до маленького окошечка над сводом возвышались горы разбитых и скрюченных корпусов¹¹.

Их мольбы и речь напоминают обрывки и фрагменты поэзии о Холокосте, от Пауля Целана до Бориса Слуцкого. Читателю, как и герою романа, хочется «оказаться где-нибудь подальше от этих голосов, не слышать их»¹². Описываемая Лемом лагерная планета не теряет аутентичности, исторической достоверности и детальности в своей фантастической оболочке и все же не может быть сведена к ней; философское и технологическое преобладает.

В романе Стругацких *Попытка к бегству*, их первом по-настоящему серьезном и политически субверсивном произведении, опубликованном в 1962 году также «Молодой гвардией», герои XXII–го века оказываются на неизвестной планете, явно напоминающей нацистские лагеря:

Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек... Это был мертвец, уже давно закоченевший... десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты – люди спали прямо на земле и друг на друге¹³.

Научно-фантастическая оболочка здесь полностью сведена к историческому референту.

¹¹ Там же, с. 300.

¹² Там же, с. 302.

¹³ А. и Б. Стругацкий, *Хищные вещи века*, Молодая гвардия, Москва 1965, с. 77.

Лем нередко находил это цепляние за реальные исторические события и советские реалии недостатком воображения у Стругацких, что не справедливо, ибо они добавляют философский и трансцендентный слои к своему изображению исторической травмы. В опубликованном два года спустя *Трудно быть богом*, где планета Арканар недвусмысленно отсылает к сталинскому Советскому Союзу, присутствует разговор о Боге, навеянный, как мне кажется, *Солярисом*. Дон Румата, гамлетовский прогрессор, вопрошает у философа Будаха, преследуемого режимом, что тот бы посоветовал Богу, если бы встретил Всевышнего. После ряда неудовлетворительных ответов Будаха произносит, что обратился бы к Богу с такой последней просьбой: «Господи, сотри нас с лица земли и создай заново, более совершенными... или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой»¹⁴. Мольба Будаха пронизана ощущением травмы и смирением с ней. Воображаемый им Бог сродни несовершенному Богу *Соляриса*. Таким образом в лице Стругацких и других писателей-фантастов, многие из которых были евреями, Лем нашел друзей в поколенье, перефразируя строки Евгения Баратынского. Однако, его наиболее идеальным читателем и собеседником был Рафаил Нудельман. Не побоюсь утверждать, что отношения между Лемом и Нудельманом — потерянное звено (*missing link*) — в еврейской интеллектуальной истории 20-го века.

4

Рафаил Ильич Нудельман (1931–2017), кандидат физико-математических наук, критик, журналист, редактор, переводчик-полиглот, соавтор вместе с Ариадной Громовой романа *В Институте Времени идет расследование* и повести *Вселенная за углом*, был видным деятелем советского еврейского подпольного движения и в 1975-году совершил алию в Израиль, где стал одним из наиболее известных представителей русскоязычной публицистики и переводчиком с иврита. Как правильно отмечает Василий Владимировский, Нудельман

[...] стал, пожалуй, первым исследователем, который подошел к фантастике всерьез, по-взрослому, рискнул отказаться от клише, сложившихся еще в 1930–1950-х. С середины 1960-х годов и вплоть до эмиграции

¹⁴ А. и Б. Стругацкий, *Полное собрание сочинений в тридцати трех томах*, Млечный путь, Иерусалим 2018, т. 7, с. 248.

он оставался главным советским специалистом по творчеству Станислава Лема [...] именно Рафаилу Ильичу мы обязаны появлением термина «философская фантастика», который охотно подхватили братья Стругацкие и их единомышленники¹⁵.

Эта оценка подтверждается нашим анализом его *Разговора в купе*. Переписка Лема и Нудельмана, охватывающая почти 25 лет — от 1964 года до конца 80-х — интересна не столько своим содержанием, сколько тем, что за ним стоит — намеками и обрывками фраз, позволяющими реконструировать то, как создавался часто скрытый еврейский язык научной фантастики советской эпохи. Приведу несколько выразительных примеров, говорящих много как о самом Леме, так и понимании его Нудельманом.

В письме от 7-го декабря 1970-го года, в котором Лем высказывает свое недовольство американской фантастикой из-за ее интеллектуальной скудости, он отмечает следующее: «Ведь в такой современной книге, как изданный в текущем году роман Сола Беллоу MR. SAMMLER'S PLANET (это никакая не SF, несмотря на название), больше смелых мыслей о нашем мире, чем во всех вместе взятых дебютах SF этого же года»¹⁶. Через выбор романа Беллоу, который выйдет в русском переводе Нины Воронель в Библиотеке Алия в 1978-м году, Лем выдает и проговаривает свое собственное еврейское «я» и бремя Холокоста. Смелые мысли Беллоу — это мысли его героя Саммлера, польского еврея-интеллектуала, друга Герберта Уэллса (Лем лукавит, фантастика очень важна в романе), выкабравшегося из ямы с грудями расстрелянных еврейских тел (этот момент он, вероятно, заимствовал из *Бабьего Яра* Анатолия Кузнецова, выведшего в английском переводе в Америке в 1970-м году).

Нудельман понимал, что Лем был писателем и мыслителем, порожденным Холокостом. Он перевел и опубликовал уже в Израиле в редактируемом им журнале «22» в 1985-м году *Провокацию* Лема, часть рецензий польского фантаста на никогда ненаписанные книги. В *Провокации* Лем представил в наиболее законченном виде свою философию о смысле Холокоста, которая упирается в идею богоизбранности евреев¹⁷. Исключительно важен в данном контексте и перевод Нудель-

¹⁵ В. Владимирский, *Неизвестная история советской фантастики*, «Горький», 1 февраля 2022, <https://gorky.media/reviews/neizvestnaya-istoriya-sovetskoj-fantastiki/> [03.03.2024].

¹⁶ С. Лем, Р. Нудельман, *Лабиринты и маски: письма и статьи*, Млечный путь, Иерусалим 2021, с. 91.

¹⁷ Интересно то, что идеи Лема перекликаются с «Псалмом» Фридриха Горенштейна, чьим сценарием по роману «Солярис» он был оскорблен.

маном шедевра Лема *Голос Господа*, упоминавшегося выше, и единственного, напомним, его научно-фантастического романа, содержащего документальный отрывок о Холокосте, основанный на пережитом самим Лемом. Нудельман вспоминал в статье, написанной на смерть Лема:

Перевод получил, не без судорог, добро, но в одной из глав романа был кусок, когда один из главных героев книги, еврей и бывший узник нацистского лагеря смерти, рассказывает о том, как работали палачи и что чувствовали жертвы. Дойдя до этого куска наш редактор почувствовал себя, как герой Галича: «Я же стреляный, я же с опытом. Я же враз понял — пропал пропадом...» — и потребовал снять этот кусок... Нам пришлось писать Лему. Стыдно было — словами не описать. Лем, однако, вошел в положение, хотя его ответное письмо состояло из сплошных шпилек в адрес советских порядков. Обкорнанный перевод вышел, и это была последняя крупная вещь Лема, к которой я был причастен в СССР¹⁸.

Впоследствии перевод Нудельмана и Громовой был опубликован в изначальном полном виде, став, безусловно, откровением для многих читателей.

Наиболее крупной работой Нудельмана о Леме была статья *Лабиринт и подмена в фантастике Станислава Лема*, опубликованная в 1995-м году, основные положения которой Нудельман прорабатывал в письмах к Лему. Лем писал о подходе Нудельмана к «Лему» в письме своему американскому переводчику Майклу Канделю в 1974-м году, одному из немногих, с кем он доверительно обсуждал еврейские вопросы:

Что касается концепции Нудельмана относительно Лема, на самом деле у него есть общая *idée fixe*, в некотором роде талмудическая, — что существует особая загадка конкретного произведения и что для нее нужно подобрать Правильный Ключ, и тогда все Замки откроются сразу... Вы написали ему, и это хорошо, потому что он очень одинок во всем, что делает¹⁹.

«Талмудический», как становится ясно из моего подхода, для Лема не просто эпитет. Он осознает, что Нудельман подходит к его произведениям как к священной *скрытописи*, требующей, используя раввинистическую терминологию, не столько прочтения *пшат* (поверхностного и буквального), сколько *драш* (подспудного и засекреченного). Нудельман пишет в своей статье: «В глубине всех лемовских лабиринтов всегда скрывается Я, которое оказывается Не-Я. Иными словами, там скрывается маска, фантом, двойник, декорация, что-то, наме-

¹⁸ С. Лем, Р. Нудельман, *Лабиринты и маски...*, с. 297.

¹⁹ Там же, с. 190–191.

ренно созданное кем-то для сокрытия истинного смысла...»²⁰. Сквозь идею и прием маски Лем пытается ответить на главный и возможно самый загадочный постулат Торы — создание человека по образу и подобию божьему — *бе-целем элоким* —, позволяющее, как определил Нудельман уже в *Разговоре в купе*, «увидеть нас самих как одну из частиц великого мира разума, увидеть со стороны... чтобы столкнуть человека, человечество с самим собой»²¹.

По большому счету Нудельман прочитывает Лема как еврейского агностика, подобно тому как Гершом Шолем и Вальтер Беньямин прочитывали произведения Кафки²². Нудельман заключает:

От ужаса этого мира Лем защищается не столько рациональными доводами, сколько верой или, если угодно, агностическим мифом: мы не знаем и никогда не узнаем истину, даже если мир действительно злобен, и это дает нам шанс на выживание, познание и человеческое достоинство, прием же этот шанс как веру²³.

Согласно Шолему, проблема у Кафки не столько в том, что мы потеряли Писание, а в том, что мы не можем его раскодировать и раскрыть истину. Как для Беньямина основным достижением Кафки было его поражение, так и для Нудельмана в (не)узнавании самого себя человек — процитируем опять из *Разговора в купе* — терпит «часто поражение — но какое! Насколько выше человек в этом поражении, чем в своем победоносном шествии сквозь время и пространство!»²⁴

5

Личность, биография и книги Ариадны Громовой (1916–1981) заканчивают и чрезмерно обогащают интерпретационный и жизненный/исторический еврейский круг Лема–Нудельмана и Стругацких. Лем писал о ней Урсуле Ле Гуин, классике американской научной фантастики, в 1984–м году:

[...] подруга [Нудельмана] и моя русская переводчица Ариадна Громова (она потеряла мужа, еврея, в Киеве в Украине, когда немцы убили там всех евреев в Бабьем Яру) тоже умерла [в 1981 г.] от дозы сомниферы. Но

²⁰ Там же, с. 281.

²¹ Р.Е. Нудельман, *Разговор в купе*...

²² С. Лем, Р. Нудельман, *Лабиринты и маски*..., с. 290.

²³ *The Correspondence of Walter Benjamin and Gershom Scholem, 1932–1940*, Schocken, New York 1989.

²⁴ Р.Е. Нудельман, *Разговор в купе*...

я думаю, что даже если это не было самоубийством, она умерла от печали в одиночестве, так как всех русских или не русских ее друзей, знакомых и так далее, как, например, Нудельмана, покойный Андропов либо вынудил уехать за границу, либо посадил в какой-нибудь Гулаг²⁵.

Здесь важно то, что Лем подчеркивает связь Громовой с Холокостом — центральным моментом в ее жизни и творчестве.

Громова выросла в Киеве и получила образование в Киевском университете. Она начала писать в 1930–х годах и руководила в украинской столице мастерской молодых поэтов, в которую входил Наум Коржавин. Ее муж, Борис Громов, выданный нацистам соседом, был расстрелян в Бабьем яру, несмотря на то, что у него были фальшивые документы. Его смерть и тотальное уничтожение еврейского населения, свидетелем которого она стала, радикально изменили Громову и как человека, и как художника. Активный участник киевского подполья, она была схвачена немцами и отправлена в лагерь. Каким-то образом (все подробности неизвестны), она сбежала с поезда, который вез ее в Освенцим. Первой послевоенной книгой Громовой стал документальный роман *Линия фронта на востоке*, опубликованный в 1958 году, о Киеве времен нацистской оккупации. В этом романе, изданном маленьким тиражом и не привлечшим большого внимания по понятным причинам, целые главы посвящены уничтожению евреев, что делает его самым первым русским текстом о Бабьем Яре, опережающим немало книги Анатолия Кузнецова и Виктора Некрасова. Автобиографическая героиня романа — Ирина Вишневецкая, чей муж, преданный соседкой, погибает в Бабьем Яру. Опустошенная этой потерей, с чувством вины, безысходности и полного родства с уничтоженными евреями, Ирина кончает жизнь самоубийством в конце романа, как и по-видимому сама Громова десятилетия спустя. Громова закончила вторую часть романа, в которой открыто говорилось о сотрудничестве местного населения с нацистами. Запрещенная тогда цензурой, она остается неопубликованной по сей день.

В 1960–х годах Громова становится вместе со Стругацкими ведущим писателем-фантастом, а также вместе с Нудельманом исследователем и теоретиком жанра и одним из главных переводчиков Лема. Короткий роман Громовой *В круге света*, опубликованный в 1968–м году, является потерянным звеном в истории литературы о Холокосте и непризнанным шедевром. Действие романа происходит в постапокалиптической

²⁵ С. Лем, Р. Нудельман, *Лабиринты и маски...*, с. 211.

Франции. Главный герой Клод, участник французского сопротивления во время войны, переживший Освенцим, обладает телепатическими способностями и создает «круг света», в который он включает членов своей семьи, единственных оставшихся людей на планете. Большую часть романа занимают поток сознания Клода и его воспоминания о лагере. Таким образом Громова создает или скорее воссоздает «лагерную вселенную» и то, как Катастрофа радикально изменила человеческую природу и историю.

Как мы обнаруживаем к концу романа, фантастический посыл о конце света был лишь уловкой. Клод был под гипнозом своего друга Робера, также узника из Освенцима, пытавшегося заставить его разорвать «круг света», оказавшийся деспотической попыткой Клода защитить своих родных от ужасов войны и лагеря, из которых он по сути никогда не вышел. Выведенный из-под гипноза, Клод, ощущая себя снова лагерным узником, кончает жизнь самоубийством. Терзаемый виной за смерть друга, Робер пытается добраться до тайны Холокоста. «Но вряд ли человечество изменилось так уж радикально — и в плохом и в хорошем смысле. Человек остается человеком, хотя все очень усложнилось и запуталось... Разве совсем исчезли мерки добра и зла?»²⁶, спрашивает он. Громова настаивает на том, что именно в этом исчезновении и заключается суть Холокоста.

Безусловно, Лем повлиял на то, как Громова подходит к описанию войны, оккупации и уничтожению евреев. Она училась этому и у его *Утраченного времени*, и у научно-фантастических текстов о катастрофе и травме. Две научно-фантастические книги, написанные ею в соавторстве с Нудельманом, *В Институте Времени идет расследование* и *Вселенная за углом*, также во многом перекликаются с Лемом и особенно с тем, что Нудельман называл попыткой «увидеть нас самих как одну из частиц великого мира разума, увидеть со стороны»²⁷. В повести *Вселенная за углом*, в которой человеческое пространство сужается и исчезает под воздействием контакта с инопланетной силой, ищущей на земле прибежище, герои сталкиваются с «Единым Разумом», позволяющим «видеть себя со стороны» и ощущать часть «великого единства» и «континуума»²⁸. Таким образом в творчестве Громовой и Нудельмана активируются два полюса еврейского мировоззрения Лема: философско-теологический и травматический, касающийся Холокоста.

²⁶ Антология советской фантастики, Молодая гвардия, Москва 1968, т. 15, с. 262.

²⁷ Р.Е. Нудельман, *Разговор в куле...*

²⁸ *Мир приключений*, Детская литература, Москва 1971, с. 185.

Лем писал Нудельману в 1974–м году:

У меня создалось впечатление, хотя я могу, конечно, глубоко ошибаться, что Стругацкие идут в некотором смысле размеченными мной путями, что делают это самостоятельно и интеллигентно, иначе говоря, такими учениками нельзя стыдиться, но несмотря на всё это, я хотел бы, чтобы они делали что-то совершенно суверенно, в полной независимости от меня...и от всей остальной мировой фантастики²⁹.

Безусловно, такими учениками были и Нудельман, и Громова. Можно спорить с тем создали ли они (или в свою очередь Стругацкие) что-то совершенно независимое от Лема, но неопровержимым и более значительным является то, что их диалог с Лемом породил удивительную страницу в интеллектуальной и литературной истории 20–го века после Холокоста, позволяющую совершенно по-новому посмотреть на связь между научной фантастикой и еврейством и лучше понять корни и контексты русскоязычной литературы в Израиле. От космической травмы Лема до насыщенных исторической травмой аллегорий Стругацких до забытого свидетельского шедевра Громовой — в этом эссе была предпринята попытка восстановить главы советской и восточноевропейской научной фантастики и переосмыслить отношение между ее видениями и трагедиями 20–го века.

Библиография

- Antologiya sovetskoy fantastiki*, t. 15, Molodaya gvardiya, Moskva 1968 [*Антология советской фантастики*, т. 15, Молодая гвардия, Москва 1968].
- Gajewska A., *Holocaust and the Stars: The Past in the Prose of Stanislaw Lem*, transl. K. Gucio, Routledge, New York 2022.
- Gomel E., *The Man from the Yellow Star*, "Strange Horizons", 28 October 2013 <<http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/the-man-from-the-yellow-star/>>
- Grinberg M., *The Soviet Jewish Bookshelf: Jewish Culture and Identity between the Lines*, Brandeis University Press, Waltham 2023.
- Gurevich G., *Karty strany fantazii*, Iskusstvo, Moskva 1967 [Гуревич Г., *Карты страны фантазии*, Искусство, Москва 1967].
- Lem S., Nudel'man P., *Labirinty i maski: pis'ma i stat'i*, Mlechnyy put', Iyerusalim 2021 [Лем С., Нудельман Р., *Лабиринты и маски: письма и статьи*, Млечный путь, Иерусалим 2021].
- Lem S., *Sobraniyesochineniy v desyati tomakh*, t. 2., transl. G. Gudimova, V. Perel'man, Tekst, Moskva 1992 [Лем С., *Собрание сочинений в десяти томах*, т. 2., пер. Г. Гудимова, В. Перельман, Текст, Москва 1992].

²⁹ С. Лем, Р. Нудельман, *Лабиринты и маски...*, с. 121.

- Mir priklyucheniĭ*, Detskaya literatura, Moskva 1971 [*Мир приключений*, Детская литература, Москва 1971].
- Nudel'man R.E., *Razgovor v kupe*, «Fantastika 1964», Molodaya gvardiya, Moskva 1964 [Нудельман Р.Е., *Разговор в купе*, «Фантастика 1964», Молодая гвардия, Москва 1964].
- Orlinskiy V., Lem., *Zhizn' na drugoy zemle*, transl. I. Shevchenko, Fanzon, Moskva 2019 [Орлинский В., *Лем. Жизнь на другой земле*, пер. И. Шевченко, Fanzon, Москва 2019].
- Strugatskiy F.i V., *Khishchnyye veshchi veka*, Molodaya gvardiya, Moskva 1965 [А. и Б. Стругацкий, *Хищные вещи века*, Молодая гвардия, Москва 1965].
- Strugatskiy F.i V., *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsatitrekh tomakh*, t. 7, Mlechnyy put', Iyerusalim 2018 [А. и Б. Стругацкий, *Полное собрание сочинений в тридцати трех томах*, т. 7, Млечный путь, Иерусалим 2018].
- The Correspondence of Walter Benjamin and Gershon Scholem, 1932–1940*, Schocken, New York 1989.
- Vladimirskiy V., *Neizvestnaya istoriya sovet-skoy fantastiki*, «Gor'kiy» 1 fevralya 2022 <<https://gorky.media/reviews/neizvestnaya-istoriya-sovetskoj-fantastiki/>> [Владимирский В., *Неизвестная история советской фантастики*, «Горький» 1 февраля 2022, <<https://gorky.media/reviews/neizvestnaya-istoriya-sovetskoj-fantastiki/>>].